

Научная статья

УДК 82.31

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-3/38-49>

Восприятие А.И. Солженицына русской эмиграцией (на материале повести С.Д. Довлатова «Филиал»)

Платон Владимирович Поздняков¹, Юлия Александровна Яроцкая²

^{1, 2} Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация

¹ Студент, pozdneyakov.pv@students.dvfu.ru

² Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
yarotskaya.yua@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей восприятия А.И. Солженицына представителями третьей волны эмиграции, чьи позиции нашли своё воплощение в повести С.Д. Довлатова «Филиал». Результатом исследования стало определение метафорического разрыва между Солженицыным и представителями третьей волны эмиграции, в восприятии которых писатель-классик является абстрактным символом эпохи, существующим в рамках повести на недостижимом для соотечественников уровне. Созданные прозаиком анекдотические ситуации исподволь отражают его скептическое отношение к общественно-политическим взглядам властителя дум, идеи которого представляются Довлатову, отразившему в «Филиале» доминировавшие в эмигрантской среде настроения, предельно отвлечёнными от реальной жизненной практики и, что представляет для автора принципиальную важность, судеб соотечественников.

Ключевые слова: Довлатов, Солженицын, «Филиал», эмиграция, третья волна, анекдот, прецедентное имя

Для цитирования: Поздняков П.В., Яроцкая Ю.А. Восприятие А.И. Солженицына русской эмиграцией (на материале повести С.Д. Довлатова «Филиал») // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 3. С. 38–49.

Original article

The perception of A.I. Solzhenitsyn by Russian emigration (based on S.D. Dovlatov's novel «The Branch»)

Platon V. Pozdneyakov¹, Yuliya A. Yarotskaya²

^{1, 2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

¹ Student, pozdneyakov.pv@students.dvfu.ru

² Candidate of Philological Science, Associate Professor
of the Department of Russian Language and Literature,
yarotskaya.yua@dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to identifying the peculiarities of perception of A.I. Solzhenitsyn's figure by representatives of the third wave of emigration, whose positions were embodied in S.D. Dovlatov's novel «The Branch». The result of the study was the definition of a metaphorical gap between Solzhenitsyn and representatives of the third wave of emigration, in whose perception the classic writer is an abstract symbol of the era, existing within the framework of the story at a level unattainable for compatriots. The anecdotal situations created by the novelist subtly reflect his skeptical attitude towards the socio-political views of the «ruler of thoughts», whose ideas appear to Dovlatov, who reflected in the «The Branch» the sentiments prevailing in the emigrant environment, extremely distracted from real life practice and, what is of fundamental importance to the author, the fate of his compatriots.

Key words: Dovlatov, Solzhenitsyn, «The Branch», emigration, the third wave, anecdote, precedent name

For citation: Pozdnyakov P.V., Yarotskaya Yu.A. The perception of A.I. Solzhenitsyn by Russian emigration (based on S.D. Dovlatov's novel «The Branch»). *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 3, pp. 38–49. (In Russ.).

В художественных произведениях С.Д. Довлатова, для творческого метода которого характерна документальная точность и анекдотическая условность, представлена широкая галерея образов, основанных на культурно-исторических персоналиях – современниках писателя, запечатлённых в живых, нехрестоматийных ситуациях.

Проза Довлатова, обладателя, по оценке А.Г. Наймана, «ястребиного глаза» [8, с. 190] – тонкого писательского чутья, определившего натуралистичность изображения реалий времени, является репрезентативным источником сведений о многих деятелях культуры XX века, среди которых наибольшую актуализацию обретает А.И. Солженицын. Об этом свидетельствует высокая частотность задеирования антропонима в художественных текстах Довлатова – своеобразного «рупора» эпохи, в творчестве которого отразилось сложное отношение современников к Солженицыну – властителю дум, оказавшему на них, бесспорно, сильнейшее духовное и интеллектуальное влияние.

В результате количественного анализа текстового массива, составившего 28 художественных произведений Довлатова, в 10 из них нами было выявлено 45 случаев задеирования лексемы «Солженицын», бытующей в 26 уникальных текстовых ситуациях. Если принимать во внимание не только художественную, но и публицистическую прозу Довлатова, количество упоминаний русского нобелевского лауреата возрастает до 117. На фоне прочих персоналий, включённых Довлатовым в ткань своих художественных и публицистических произведений, с частотностью анализируемого прецедентного имени может сравниться лишь другой большой русский писатель – И.А. Бродский. Актуализация прецедентного имени «Солженицын» демонстрирует не только личную значимость именитого писателя для картины мира Довлатова, но и более широкую, общественную важность Солженицына для целого поколения, символом которого он стал. Тем интереснее проследить за функционированием антропонима «Солженицын» в последней крупной работе прозаика – повести «Фиалил», дающей представление о зрелом Довлатове, отразившем в своём итоговом произведении результат эволюции личных взглядов на многоаспектную действительность: социальную, культурную и политическую.

«Филиал (Записки ведущего)» – повесть, написанная Довлатовым в 1988 г. в США и впервые опубликованная в ленинградском (ныне петербургском) журнале «Звезда». В основе сюжета произведения лежит в действительности состоявшаяся международная конференция «Литература и эмиграция. Третья волна» (1981 г., май), главной темой которой стали перспективы литературы русского зарубежья [2, с. 1]. Следует сказать, что заметки Довлатова об этом событии были опубликованы в газете «Новый американец» под названием «Литература продолжается»; в будущем они станут автоинтертекстуальным фундаментом для «Филиала». Изображённый в нём симпозиум «Новая Россия», в отличие от прообраза, охватывает более широкую проблематику, выходящую за рамки вопросов литературы. По сюжету в Лос-Анджелесе собираются многочисленные российские эмигранты: литераторы, философы, художники, священнослужители, общественные и политические деятели – в целях обсуждения будущего России и выбора её президента в изгнании. Неизбежным в дискуссии такого масштаба стало упоминание довлатовскими героями «человека-эпохи» – Александра Солженицына, ставшего в глазах многих современников «географическим понятием», «понятием, равным России» [3, с. 74].

В ходе стандартизированной процедуры подсчёта было обнаружено 5 фактов заедствования лексемы «Солженицын», которая бытует в 3 ситуациях, построенных по принципу анекдота. Помимо того, что анекдот – один из центральных компонентов довлатовской поэтики – призван освежить повествование, заставить читателя обратить внимание на конкретный эпизод и посмотреть на ситуацию с нестандартной стороны [15, с. 1], он, представляя собой абстракцию, при включении в ткань текста способен выполнять функцию ёмкого вместилища смыслов, намеренно оттеняемых автором, скрывааемых им под ненавязчивой анекдотической формой и свойственным ей эзоповым языком. Именно в подспудном комментировании через иносказание нам видится цель включения автором анекдотов, в которых в качестве организующего пуанта выступает образ Солженицына – писателя мирового масштаба, всегда находившегося под пристальным общественным вниманием и вниманием Довлатова в частности. Следует сказать, что во всех рассмотренных случаях функционирования антропонима Солженицын не является их актантом: писатель в довлатовском анекдоте служит предметом обсуждения, организующего ситуацию текста, или же пуантом, вокруг которого сосредотачивается авторская мысль.

В первом из трёх выделенных нами анекдотических эпизодов Солженицын выступает в качестве духовного авторитета для консервативно настроенных участников конференции:

«Почвенники употребляли выражения с былинным оттенком. Такие, допустим, как “паче чаяния” или “ничтоже сумняшеся”. И ещё: “с энергией, достойной лучшего применения”. А также: “Солженицын вас за это не похвалит”. Либералы же использовали современные формулировки типа: “За такие вещи бьют по физиономии!” Или: “Поцелуйтесь с Риббентропом!” А также: “Академик Сахаров вам этого не простит”» [7, с. 316].

В приведённом анекдотическом эпизоде Довлатов изображает коллективный портрет почвенников – сторонников консервативного направления социально-философской мысли, в основе воззрений которых лежит представление о самобытности пути развития русской цивилизации. С точки зрения приверженцев этой концепции, будущее России и её «народа-богосца» неразрывно связано с уникальными религиозно-нравственными национальными началами. В рассматриваемой ситуации Солженицын воспринимается эмигрантами-консервато-

рами как главный идеолог их политических взглядов, в чём раскрывается надсистемный характер образа писателя.

Принципиально важным будет указать на выстроенную Довлатовым оппозицию между представителями двух полярных общественно-политических направлений: почвенничества и либерализма. Приведение типичных выражений из лексикона представителей обеих групп увенчивается двумя формульными высказываниями, построенными по принципу синтаксического параллелизма: «Солженицын вас за это не похвалит» и «Академик Сахаров вам этого не простит». Задействование Довлатовым параллельных структур является неслучайным. Выстраивая оппозицию между противоборствующими почвенниками и либералами, для которых Солженицын и Сахаров являются неофициальными идейными лидерами, автор делает имена нобелевских лауреатов контекстуально противопоставленными, что отражает характер взаимоотношений между ними. Несмотря на борьбу Солженицына и Сахарова с общим врагом в лице тоталитарного советского режима, их позиции по ключевым общественно-политическим вопросам во многом не совпадали. Так, академик Сахаров был убежден, что «...националистическая и изоляционистская направленность мысли Солженицына, свойственный ему религиозно-патриархальный романтизм приводят его к очень существенным ошибкам, делают его предложения утопичными и потенциально опасными» [11, с. 71–72]. Важно отметить, что Солженицын указывал на необоснованность и превратность оценок Сахарова: «Что я “великорусский националист” – кто же пригвоздил, если не Сахаров? Всю нынешнюю эмигрантскую травлю кто же подтолкнул, если не Сахаров, ещё весной 1974?» [10, с. 738]. В рассматриваемом анекдотическом эпизоде Довлатов противопоставляет не только представителей двух полярных идеологических течений, но и их лидеров. Очевидное несовпадение воззрений Солженицына с убеждениями Сахарова является важным аспектом рецепции писателя, ставшего для консерваторов символом строгой и непреложной моральной оценки, которая неразрывно связана с религиозно-патриархальными началами.

Выражение «Солженицын вас за это не похвалит», употребляемое довлатовскими почвенниками, носителями общественной мысли, основывающейся на традиционных христианских ценностях, является библейской реминисценцией и отсылает к новозаветному посланию первоверховного апостола Павла к Коринфянам, в котором святой взывает к совести грешников, отказавшихся от благотельного обычая совместной трапезы богатых и бедных верующих: «Но, предлагая сие, не хвалю вас, что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее» (1-е послание Коринфянам. Глава 11, стих 17) [9]. Личность Солженицына, влиятельного общественного деятеля, писателя и православного христианина, неоднократно упоминавшего неразрывную связь своей деятельности с исполнением Божьего Промысла («При моей безнадёжно запущенной остро-злокачественной опухоли это было Божье чудо, я никак иначе не понимал. Вся возвращённая мне жизнь с тех пор – не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель» [13, с. 11]), для представителей консервативных кругов русской эмиграции по своему масштабу сопоставима с первоверховным апостолом, что подчёркивает крайнюю авторитетность и непреложность позиций Солженицына, образ которого существует на качественно другом, трансцендентном уровне.

Отождествление масштаба личности писателя с величиной библейского уровня – святым апостолом Павлом – кажется нам неслучайным сразу по ряду причин. Первая из них связана с семантикой слова «апостол». В соответствии с «Большим толковым словарём русского

языка», апостол – это ревностный последователь и проповедник какой-либо идеи, учения и т.п. [1]. Обнаруживается прямое соответствие приведённого значения с характером общественно-политической деятельности Солженицына, которая, по свидетельству В.Н. Войновича, состояла в том, что писатель занимался распространением своих личных убеждений, или же ревностной «проповедью» («громогласил» по определению самого нобелевского лауреата): «...Солженицын давал немало <...> всяческих интервью, напечатал множество публицистических статей, в которых страдал мир красной угрозой, попрекал изнеженностью и отсутствием воли и предлагал Западу отказаться от западного образа жизни» [3, с. 33]. Солженицын, по оценке Л.И. Сараскиной, действительно «выплёскивал горечь на западный мир, судебное крючкотворство, коммерцию, трусость, уступки» [10, с. 727]. Но вскоре писатель осознал поспешность и категоричность своих оценок: «Это была, от моего темперамента, грубая ошибка, слишком прямой отзыв на американские дела, и тон слишком резкий» [10, с. 727–728].

Сближение образа Солженицына с первоверховным апостолом Павлом, одной из центральных фигур христианства, как уже было сказано, связано с демонстрацией масштаба личности Солженицына, недостижимости и безусловности его нравственных и социально-политических воззрений: низводя знаменитого на весь мир писателя до «притчи во языцех», Довлатов делает акцент на абстрактности его публичного образа, который в определённых эмигрантских кругах расценивается не иначе как идеологический камертон, отвлечённый от биографической фигуры самого Солженицына.

Причина выбора автором метода непрямого комментирования дискуссионных сторон личности писателя имеет связь с мотивом «клеветов Солженицына» [5, с. 43], истоки которого прослеживаются в публицистическом творчестве Довлатова. Так, в колонке «На английском языке вышла...», написанной в 1981 г. для газеты «Новый американец», прозаик от лица редакции отвечает на «писк бездумных и угодливых клеветов Солженицына» [5, с. 43], обрушившихся с волной негодования на «мягкие критические замечания» [5, с. 43], сделанные по отношению к мемуарам «Бодался телёнок с дубом». Подспудное иронизирование над идеологическими установками «великого писателя» [5, с. 43] и группой его некритичных последователей, которых Довлатов в анализируемом анекдотическом эпизоде выводит под коллективным образом почвенников, является попыткой избежать «суеты и мелочной накипи» [5, с. 43] со стороны «клеветов», готовых, как это показала довлатовская журналистская практика, с остервенением отстаивать позиции авторитета. С оценкой последователей Солженицына, данной Довлатовым, совпадает мнение Л.З. Копелева, называвшего группу наиболее ожесточённых защитников позиций писателя «сектой фанатичных приверженцев» [10, с. 738].

Намеренность отождествления нобелевского лауреата с апостолом Павлом проявляется в смысловой связи между рассматриваемым эпизодом и следующей анекдотической ситуацией, которая, несмотря на свой малый объём и внешнюю простоту, предоставляет широкий простор для интерпретации:

«Затем попросил слова художник Боровский. Как выяснилось, он только что приехал на своей машине. Боровский в отчаянии прокричал:

– Катастрофа! Я вёз участникам форума ценный подарок. Портрет Солженицына размером три на пять. Я вёз его на крыше моей «тойоты». В районе Детройта портрет отвязался и улетел. Я попытался догнать его, но безуспешно. Есть мнение, что он уже парит над Мексикой...» [7, с. 392].

Портрет Солженицына, который, по словам эпизодического героя Боровского, «*улетел*» и «*парит над Мексикой*», то есть находится на расстоянии трёх тысяч километров относительно места своего взлёта, что с объективной точки зрения является чрезвычайно большой дистанцией, становится метафорой феномена Солженицына и его творчества. Настолько отвлечённое изображение писателя подразумевает не только его физическую удалённость от текущего момента речи, но и определённую дистанцию между идеями нобелевского лауреата, проецирующими его мировоззрение, и реальной практикой. Сложно сказать, где именно «*пребывает*» Солженицын в контексте повествования: он одновременно присутствует (как предмет обсуждения) и отсутствует (как реальная личность, максимально удалённая от жизни русских эмигрантов). Показательным и неслучайным является тот факт, что портрет Солженицына уносится ветром в направлении, противоположном месту проведения симпозиума «Новая Россия»: утерянная картина, по предположению Боровского, «*парит над Мексикой*», то есть находится в воздушном пространстве где-то на юго-западе континента, в то время как конференция русских эмигрантов проводится в Лос-Анджелесе – крупном городе западного побережья Северной Америки.

Выбор Довлатовым Мексики в качестве наиболее вероятного места пребывания портрета объясняется не только территориальной удалённостью страны относительно Детройта и Лос-Анджелеса (ведь Канада, одна из двух держав, имеющих с США сухопутную границу, относительно места проведения конференции располагается в противоположной части континента, то есть на приблизительно таком же удалении от «Новой России», что и Мексика). Портрет сообразно своему прообразу, главный труд которого – эпопея «Красное Колесо» – посвящён историческому и философскому осмыслению причин и итогов Великой русской революции, улетает на юг в сторону Мексики, пережившей в XX веке, как и прочие латиноамериканские государства, череду сменявшихся друг за другом диктаторских режимов и освободительных революций. Важно, что адаптация Довлатова к американской жизни (литератор эмигрировал в США в 1979 г.) по времени совпала с финальным этапом «Грязной войны» в Мексике. «Грязная война» – общее название для мер государственного терроризма, предпринимавшихся военными диктатурами, преимущественно латиноамериканскими, против оппозиции. Симптоматично, что события повести «Филиал» разворачиваются в 1981, то есть за год до окончания мексиканского конфликта. Так, портрет, получивший в анекдоте Довлатова своеобразную свободу воли, подобно реальному лицу, запечатлённому на нём, «выбирает» тираноборческую стезю, в чём прослеживается авторская ирония, обращённая на пребывание Солженицына в перманентном состоянии борьбы с внешним врагом. Довлатов моделирует фарсовую ситуацию, в которой писатель превращается в своеобразную «пародию на себя» [3, с. 51]. Метонимическая замена целого человека предметом, обретающим свободу воли, сближает анализируемый эпизод с фантасмагорической повестью Н.В. Гоголя «Нос». В приведённом анекдотическом эпизоде Довлатов иллюстрирует разрыв между русскими эмигрантами, к числу которых относится сам автор, и Солженицыным, отказавшимся от всех форм взаимодействия с участниками третьей волны русской эмиграции.

Здесь необходимо вспомнить библейскую основу выражения «*Солженицын вас за это не похвалит*» из ранее проанализированной анекдотической ситуации. Слова первоверховного апостола Павла («Но, предлагая сие, не хвалю вас, что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее» [9]) обращены к состоятельным жителям Коринфа, которые отказались от обычая сов-

местной трапезы с нищими, чем выказали пренебрежение не только к постулатам своей веры, но, что принципиально важно для святого, и к бедствующим братьям во Христе. В этом отношении довлатовский анекдот обретает второй слой иронии: с точки зрения автора, Солженицын, игнорировавший менее успешных соотечественников, в соответствии с логикой фразы, расхожей в кругу последователей-почвенников, от самого же себя не заслуживает похвалы, ведь отчуждение писателя от представителей третьей волны эмиграции, в сущности, повторяет согрешение привилегированных коринфян. Необходимо сделать важную оговорку. Представители «третьей волны» воспринимали молчание Солженицына как последовательное игнорирование, не пытаясь понять внутренние причины, по которым писатель решил сократить свою общественную активность и, в частности, взаимодействие с эмигрировавшими соотечественниками. Так, его переезд в Кавендиш, штат Вермонт, был «первым шагом к простой норме жизни, к замедлению темпа, к ценностям приватности, а не публичного бытия» [10, с. 732]. С момента изгнания из СССР здесь Солженицын мог впервые «...пребывать в одиночестве, работать на свежем воздухе, но не уезжать от семьи, <...> чтобы никакие внешние события больше не отвлекали, чтобы можно было работать всякий час и всякий день...» [10, с. 737]. Солженицын вовсе не пренебрегал представителями третьей эмиграции. Писатель желал высвободиться из «политической мельницы» [10, с. 726], сконцентрироваться на тихом семейном счастье и труде.

Отсутствие физической привязанности к конкретному месту и времени в ситуации, при которой изображение, по своей сути, копия настоящего писателя, улетает в неизвестность, указывает на тенденцию, которая получает своё подтверждение в прочих случаях функционирования рассматриваемого антропонима в довлатовской прозе: публичный образ Солженицына уже давно перестал воплощать в себе представление о нём как о конкретном человеке, став идеей, культурным мифом, символом эпохи. Эта абстракция делает личность Солженицына чем-то недостижимым и непостижимым, как бы существующим за пределами мира, привычного героям Довлатова. Анекдотическая ситуация, в которой портрет человека, при жизни названного пророком и совестью нации, взмывает в небесное пространство, может быть прочитана как аллюзия на Вознесение Господне – «обожение» человеческой природы Иисуса Христа, ставшего невидимым для взгляда простых людей [14]. Портрет, улетевший в неизвестном направлении, пропадает из виду художника Боровского и, как результат, становится недостижимым для участников симпозиума «Новая Россия».

Упоминание о том, что «есть мнение» о парящем над Мексикой портрете, создаёт метафорическое расстояние, делая образ Солженицына не только географически удалённым (биографический Солженицын в момент проведения симпозиума «Новая Россия», то есть в конце 80-х годов XX века, находился в Вермонте – в совершенно другом американском штате), но и концептуально отвлечённым. Это утверждение о «парении» подразумевает, что концепт «Солженицын» живёт в каком-то абстрактном пространстве, в то время как реальный контекст жизни и творчества писателя оказывается вытесненным на периферию общественного восприятия. Художник Боровский, сообщая всем участникам симпозиума о потере «ценного подарка», начинает говорить о Солженицыне не как о реальном человеке, а как о некоем идеальном символе, предельно отвлечённом от биографического лица.

Предпоследнее предложение анализируемого фрагмента оставляет достаточный простор для выявления подспудного авторского высказывания. Попытку эпизодического героя

«догнать» унесённый портрет, которая, по словам самого же Боровского, оказалась безуспешной, можно интерпретировать как непреодолимость незримой пропасти, возникшей между русской эмиграцией, воплощённой в образе художника, и Солженицыным. Для Довлатова установление контакта с кумиром поколения видится принципиально невозможным: граница между эмигрантским миром и пьедесталом, на котором пребывает Солженицын, непреодолима. За дополнительным подтверждением данного тезиса обратимся к воспоминаниям ранее упомянутого Наймана. В книге «Рассказы о» писатель с долей разумного скептицизма говорит о «претензии» Солженицына на «отмеченность пророческим даром» и «безапелляционности суждений о предметах, мало ему знакомых» [8, с. 210]. Наймановское сравнение Солженицына с «капитаном артиллерии», для которого «превыше всего цель, которую он наметил» [8, с. 212], коррелирует с тем, каким видел писателя Довлатов. Для него, как и для прочих представителей русской эмиграции, крупный общественно-политический деятель Солженицын был тем самым «капитаном артиллерии», который заботится только о «собственном попадании» [8, с. 212]: Солженицын ни физически, то есть в качестве организатора конференции или одного из её участников, ни символически, то есть в виде гигантского портрета, в симпозиуме «Новая Россия» участия не принимает, что подчёркивает отсутствие реальной вовлечённости знаменитого писателя в решение судеб своего отечества и народа, к которому в том числе относятся и игнорируемые им эмигранты. Надо сказать, что «затворником» и «отшельником» [10, с. 734] Солженицын стал только в глазах недобросовестной западной прессы и «третьей эмиграции», представители которой, по оценке А.Д. Шмемана, «...ничего подлинно нового <...> с собой не привезли, но старую эмигрантскую традицию – ссориться и лично, и “принципиально”, – восприняли и оживили» [10, с. 729]. Сам Солженицын писал: «Затвор у меня и предполагался, только не тюремный, а затвор спокойствия, тот один, который и нужен для творчества в этом безумном круженом мире» [10, с. 734].

Последний случай задействия фигуры Солженицына в повести содержит недвусмысленное высказывание Довлатова о соотношении художественного и публицистического в деятельности писателя:

«Надлежало избрать троих самых крупных государственных деятелей будущей России. Сначала президента. Затем премьер-министра. И наконец, лидера оппозиционной партии.

<...>

Речь могла идти лишь о самых видных деятелях. О тех, кого уважают все без исключения.

<...>

Наиболее острая дискуссия развернулась вокруг имени Солженицына. Почвенники считали его оптимальной фигурой. Либералы горячо протестовали, обвиняя Солженицына в антисемитизме. Восторжествовала компромиссная точка зрения: “Солженицын не государственный деятель, а писатель. Его дело – писать”» [7, с. 410–411].

Победила «компромиссная», то есть принадлежащая самому Довлатову позиция, озвученная им в предшествовавшей «Филиалу» лекции «Блеск и нищета русской литературы» (1982 г.). В ней отражён взгляд писателя на отечественный литературный процесс.

Анализируя тенденции, общие для всех этапов развития национальной литературы, Довлатов указывает на распространённую ситуацию, когда «...лучшие русские писатели, достигнув высочайшего уровня в своём творчестве, начинали испытывать безудержную тягу к общест-

венно-политической деятельности...» [4, с. 236], неминуемым итогом которой, по мнению прозаика, является «глобальная неудача» [4, с. 236]. С точки зрения Довлатова, в парадигме XX века примером подобного провала можно считать фигуру Солженицына, «...который начал с потрясающих романов, но, оказавшись на Западе, выступил в роли обличителя и пророка, возглавив чрезвычайно опасную, национально-христианскую и в конечном счёте – авторитарную тенденцию в русской общественной мысли, изрядно скомпрометировав себя в глазах <...> читателей...» [4, с. 236]. Аналогичный взгляд обнаруживается в «Портрете на фоне мифа» Войновича – писателя-современника, вынесшего безапелляционный вердикт общественно-политической деятельности Солженицына: «Солженицын сегодня смешон, смешны его напыщенные интервью, его мессианство, его претензии на создание новой литературы в виде колёс, смешна вообще его неадекватность действительности» [3, с. 51–52]. Схожей позиции придерживался А.Д. Синявский, который писал, что воззрения Солженицына эволюционировали, «но необязательно по направлению к небу» [12, с. 378]. Так, в среде эмигрантов активно бытовал взгляд на Солженицына как на публициста, взорвавшегося в своей потребности к неприкрытой идеологической проповеди, которая, что подтверждается неединичными оценками современников, не отвечала реальным потребностям эмигрировавших соотечественников и лишь увеличивала пропасть между ними и Солженицыным. Необходимо сказать, что это, естественно, не единственный взгляд на причины разрыва между писателем и «третьей волной». Так, А.Д. Шмеман, при всей своей симпатии к широте и культурности новоприезжих москвичей и ленинградцев, писал: «Солженицына, в сущности, “разлюбили” только потому, что он говорил простейшую, элементарную правду. Можно доказать теорему: “интеллигенция” всех народов не выносит правды. И потому не выносит, что считает себя носителем “правды” в каждый данный момент, в каждой ситуации» [10, с. 739]. По мнению Л.И. Сараскиной, Солженицын «стал самой крупной мишенью <...> для объединённой Третьей эмиграции» из-за своей «русскости» и «масштаба» [10, с. 739]. Также необходимо отметить, что представители эмигрантского мира, критиковавшие писателя за «манию величия, стремление представить себя в роли высшего судьи, пророка» [10, с. 723], своими нападками на Солженицына неосмотрительно содействовали их общему врагу – советским властям, которые воспринимали «раскалённых недругов» [10, с. 728] Солженицына как «нечаянных, но драгоценных союзников, антисолженицынский авангард» [10, с. 724].

Приписывание собственного мнения «компромиссному» решению коллектива участников симпозиума является проявлением типичного для Довлатова риторического приёма. Писатель часто наделяет героев своих художественных и публицистических произведений сугубо авторскими позициями. Так, в газетной колонке под заголовком «Свой американец», имеющей форму якобы реально взятого интервью, словами гражданина США Довлатов высказывает личное воззрение на Солженицына, которое совпадает с убеждениями писателя, высказанными им в «Блеске и нищете...», и коррелирует с тем, как он подходит к осмыслению феномена Солженицына в «Филиале»: «Это – великий прозаик. Именно – прозаик. Хотя его политическая роль – огромна. Но меня интересует проза. Многие у нас рассматривают Солженицына исключительно как публициста. Игнорируя драматургию его романов, его эллиптический синтаксис...» [6, с. 182]. Так, все случаи включения антропонима в текст «Филиала» замыкаются авторской идеей о неравноценности публицистического и художественного в многосторонней деятельности Солженицына, являющегося прежде всего писателем, «дело» кото-

рого – «писать». И только во вторую очередь – общественным деятелем, высказывающимся на темы, отвлечённые от литературы.

По результатам анализа выделенных анекдотических эпизодов можно обозначить следующие характеристики личности Солженицына, которые являются, как мы думаем, существенными для Довлатова и части его современников: 1. Солженицын – личность мирового масштаба, которая в результате постепенной мифологизации обрела характер абстрактного концепта, отвлечённой идеи, оторванной от реальной жизненной практики. 2. Солженицын – камертон нравственности, незыблемый духовный авторитет и идеологический ориентир, моральные позиции которого являются образцовыми для определённых групп его современников и, в частности, консервативно настроенных эмигрантов. 3. Солженицын – признанный общественно-политический деятель и мыслитель, который, тем не менее, ввиду своей чрезмерной отрешённости от эмигрантского мира, обособлен не только от представителей русского зарубежья, но и, как результат, от реального участия в решении судеб своего народа, что делает невозможным диалог между писателем мирового уровня и его современниками.

Довлатов включает имя Солженицына в текст повести «Филиал» не только для создания комических ситуаций, освежающих читательское восприятие комическим случаем, выстроенным вокруг образа знаменитого писателя: автор подспудно изображает портрет властителя дум и комментирует наиболее дискуссионные аспекты его публичного образа. Довлатов использует аллегорию и абстрактность анекдота, чтобы передать многоаспектность и неоднозначность феномена Солженицына, воспринимавшегося определённой группой современников и, в частности, самим Довлатовым – выразителем настроений, царивших в эмигрантском мире, – как незримый Абсолют, живой символ эпохи, бытующий на трансцендентном, недоступном для большинства уровне, с высоты которого жизнь и чаяния соотечественников теряются из виду, представляются малозначительными и не стоящими внимания.

Список литературы

1. *Большой толковый словарь русского языка* // Грамота.ру. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 12.02.2025).
2. *Власова Е.А.* Интертекстуальные пласты в повести С. Довлатова «Филиал» // Огарёв-Online. 2020. № 8(145). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-plasty-v-povesti-s-dovlatova-filial> (дата обращения: 10.02.2025).
3. *Войнович В.Н.* Портрет на фоне мифа. М.: ImWerdenVerlag, 2008. URL: https://imwerden.de/pdf/vojnovich_portret_na_fone_mifa.pdf (дата обращения: 10.02.2025).
4. *Довлатов С.Д.* Блеск и нищета русской литературы // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: Записные книжки; Филологическая проза. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 226–242.
5. *Довлатов С.Д.* Марш одиноких // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3: Марш одиноких; Ремесло; Публикации из «Нового американца». СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 7–108.
6. *Довлатов С.Д.* Свой американец // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3: Марш одиноких; Ремесло; Публикации из «Нового американца». СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 180–184.
7. *Довлатов С.Д.* Филиал // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4: Иностранка; Чемодан; Филиал; Рассказы 80-х годов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 295–421.
8. *Найман А.Г.* Рассказы о. М.: Издательство АСТ, 2017. 512 + [32 вкл.] с.: ил.
9. *1-е послание Коринфянам. Глава 11, стих 17*: Библия онлайн.

URL: <https://bible.by/verse/53/11/17/> (дата обращения: 12.02.2025).

10. Сараскина Л.И. Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. 959[1] с.: ил.
11. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. 2 изд. М.: Интер–Версо, 1991. 336 с.
12. Синявский А.Д. Литературный процесс в России. М.: РГГУ, 2003. 418 с.
13. Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Сogласие, 1996. 688 с., ил.
14. Свт. Афанасий Великий. Послание на ариан, слово 1-е // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Velikij/Poslanie_na_Arian_slovo_pervoe/ (дата обращения: 12.02.2025).
15. Сердюкова Е.В., Черняхович А.С. О роли анекдота в прозе С. Довлатова (повесть «Филиал») // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2007. № S1. С. 21–23. EDN: IAODNV

References

1. *The great explanatory dictionary of the Russian language*. Gramota.ru. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (accessed: 12.02.2025). (In Russ.).
2. Vlasova E.A. Intertextual layers in S. Dovlatov's novella "The Branch". *Ogarev-Online*. 2020. No. 8(145). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-plasty-v-povesti-s-dovlatova-filial> (accessed: 02.10.2025). (In Russ.).
3. Voinovich V.N. Portrait on the background of myth. Moscow: ImWerdenVerlag, 2008. URL: https://imwerden.de/pdf/vojnovich_portret_na_fone_mifa.pdf (accessed: 02.10.2025). (In Russ.).
4. Dovlatov S.D. The splendor and poverty of Russian literature. *Collected works: in 5 volumes*. Vol. 5: Notebooks; Philological prose. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2022. P. 226–242. (In Russ.).
5. Dovlatov S.D. March of the lonely. *Collected works: in 5 volumes*. Vol. 3: March of the Lonely; Craft; Publications from the New American. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2022. P. 7–108. (In Russ.).
6. Dovlatov S.D. Our American. *Collected works: in 5 volumes*. Vol. 3: March of the lonely; Craft; Publications from the "New American". St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2022. P. 180–184. (In Russ.).
7. Dovlatov S.D. The Branch. *Collected works: in 5 volumes*. Vol. 4: A foreign woman; The Suitcase; The Branch; Stories of the 80s. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2022. P. 295–421. (In Russ.).
8. Naiman A.G. Stories about. Moscow: AST Publishing House, 2017. 512 + [32 incl.] p.: ill. (In Russ.).
9. 1 Corinthians 11 verse 17. The Bible online. URL: <https://bible.by/verse/53/11/17/> (accessed: 02.12.2025). (In Russ.).
10. Saraskina L.I. Solzhenitsyn. Moscow: Molodaia gvardiia, 2009. 959[1] p. ill. (In Russ.).
11. Sakharov A.D. Anxiety and hope. 2nd ed. Moscow: Inter–Verso, 1991. 336 p. (In Russ.).
12. Sinyavsky A.D. The literary process in Russia. Moscow: RSUH, 2003. 418 p. (In Russ.).
13. Solzhenitsyn A.I. The oak and the calf: Sketches of literary life. Moscow: Soglasie, 1996. 688 p., ill. (In Russ.).

14. *St. Athanasius the Great*. Epistle to Arians, the 1st word. *Azbuka Very*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Velikij/Poslanie_na_Arian_slovo_pervoe / (accessed: 12.02.2025). (In Russ.).

15. *Serdyukova E.V., Chernyakhovich A.S.* On the role of an anecdote in S. Dovlatov's prose (the story "The Branch"). *News of Universities. North Caucasian region. Series: Social sciences*. 2007, no. S1, pp. 21–23. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 20.02.2025.

Одобрена после рецензирования / Revised 11.09.2025.

Принята к публикации / Accepted 11.09.2025.